

Моральные категории в уголовном праве России

Аннотация. Исследуются формы взаимодействия уголовного права и морально-этических предписаний как двух систем, регулирующих поведение субъектов общественных отношений. Проведенное исследование позволило установить, что в настоящее время существует пять основных форм реализации морально-этических категорий в уголовном законе Российской Федерации. Во-первых, нормы морали воплощаются через институт принципов уголовного права. На примере принципа справедливости подробно описывается, в чем состоит исследуемая взаимосвязь. Во-вторых, отдельные морально-нравственные предписания трансформировались в уголовно-правовые запреты и в настоящее время легитимированы в диспозициях УК РФ. Особое внимание уделяется исторической трансформации морально-этической нормы в норму уголовного закона. В-третьих, уголовный закон непосредственно охраняет общественные отношения по поводу общественной нравственности и морали, что нашло закрепление в гл. 25 УК РФ. В-четвертых, оценка моральности (аморальности) поведения лиц, потерпевших от отдельных преступлений, влияет на квалификацию преступлений и назначение наказания. Рассмотрены материалы следственно-судебной практики, в которых правоприменительные органы давали оценку аморальному поведению жертв преступлений. В-пятых, взаимосвязь морально-этических нормативов и системы уголовного права обнаруживается в том обстоятельстве, что практически все действующие уголовно-правовые запреты социально-исторически были детерминированы требованиями морали и этики. При этом установлено, что существуют как сугубо моральные уголовно-правовые запреты наподобие запретов на присвоение чужого или на лишение жизни, так и уголовно-правовые запреты, основанные на морали, но существенно модифицированные в ходе общественного развития (преступления в сфере экономической деятельности, компьютерные преступления и иные).

Ключевые слова: аморальное поведение; мораль; нравственность; общественная нравственность; принципы; социальная обусловленность; уголовно-правовой запрет; уголовный закон; этика.

Для цитирования: Григорьев П. А. Моральные категории в уголовном праве России // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 96–106. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.096-106.

Благодарности. В научной работе использованы результаты проекта «Этика и право: соотношение и механизмы взаимовлияния», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

© Григорьев П. А., 2023

* Григорьев Павел Александрович, стажер-исследователь лаборатории комплексных междисциплинарных проектов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирант департамента систем судопроизводства и уголовного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000
pgrigorev@hse.ru

Moral Categories in Russian Criminal Law

Pavel A. Grigoriev, Intern Researcher, Laboratory for Complex Interdisciplinary Projects,
HSE University; Postgraduate Student, Department of Judicial Systems and Criminal Law,
Faculty of Law, HSE University
ul. Myasnitskaya, d. 20, Moscow, Russia, 101000
pgrigorev@hse.ru

Abstract. The paper studies the forms of interaction between criminal law and moral ethical prescriptions as two systems that regulate the behavior of subjects of public relations. The study made it possible to establish that at present there are five main forms of implementation of moral and ethical categories in the criminal law of the Russian Federation. First, the norms of morality are embodied through the institution of the principles of criminal law. Analyzing the principle of justice, the author describes in detail the relationship under study. Secondly, certain moral prescriptions have been transformed into criminal law prohibitions and are currently legitimized in the dispositions of the Criminal Code of the Russian Federation. Particular attention is given to the historical transformation of the moral and ethical norm into the norm of the criminal law. Thirdly, the criminal law directly protects public relations regarding public morality and morality, which is enshrined in Ch. 25 of the Criminal Code of the Russian Federation. Fourth, the assessment of the morality (immorality) of the behavior of victims of individual crimes affects the classification of crimes and the imposition of punishment. The materials of investigative and judicial practice are considered, in which law enforcement agencies assessed the immoral behavior of crime victims. Fifthly, the relationship between moral and ethical standards and the system of criminal law is found in the fact that almost all existing criminal law prohibitions were socially and historically determined by the requirements of morality and ethics. At the same time, it was established that there are both purely moral criminal law prohibitions, such as prohibitions on appropriation of someone else's property or deprivation of life, and criminal law prohibitions based on morality, but significantly modified in the course of social development (crimes in the field of economic activity, computer crimes and others).

Keywords: immoral behavior; morality; moral; public morality; principles; social conditioning; criminal law prohibition; criminal law; ethics.

Cite as: Grigoriev PA. Moralnye kategorii v уголовном праве Rossii [Moral Categories in Russian Criminal Law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):96-106. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.096-106. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgements. The scientific work incorporates the results of the project «Ethics and Law: Correlation and Mechanisms of Mutual Influence», carried out as part of the HSE University Basic Research Program in 2022.

Постановка проблемы. В научных работах по юриспруденции за последние несколько десятков лет детально и обстоятельно исследованы теоретические вопросы соотношения права и морали. Вместе с этим подобные исследования в подавляющем большинстве случаев проводятся в рамках общей теории права и не отражают специфику конкретных отраслей права, включая и право уголовное. Для уголовного права же проблематика взаимовлияния морали и права особенно насущна и важна, поскольку предмет

регулирования этой отрасли чрезвычайно широк: уголовно-правовые запреты имеют место во всех сферах общественных отношений, они действуют буквально во всех областях человеческой жизнедеятельности. С. С. Алексеев в этой связи отмечал, что «с генетической стороны именно уголовно-нормативная регламентация людских поступков и уголовное преследование наиболее тесно, по сравнению с иными подразделениями системы права, связаны с моралью»¹. Поэтому мы считаем целесообразным

¹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2002. С. 160.

рассмотреть моральные категории в рамках уголовного права как отдельно взятой отрасли российского права и установить основные формы взаимовлияния морали и запретительных предписаний Уголовного кодекса Российской Федерации².

В настоящей работе мы оперируем терминами «мораль», «этика» и «нравственность» как синонимичными. Для отечественной уголовно-правовой науки в целом характерно отождествление указанных понятий, несмотря на их порой различное понимание в философии и в общей теории права. Каждое из этих понятий обозначает установившуюся в обществе систему ценностей, представлений о плохом и хорошем. А. И. Бойко указывает, что представления людей о порядочности и благочестии традиционно обозначаются тремя терминами: «нравственность», «мораль» и «этика». В научной традиции, отмечает ученый, принято отождествлять первый и второй, а иногда и третий термины³. В фундаментальных работах о взаимодействии систем морали и уголовного права упомянутые три термина использовались и продолжают использоваться как взаимозаменяемые⁴.

Итак, рассмотрение моральных категорий на уровне конкретной отрасли позволят лучше видеть особенности синтеза нормативных систем, дает возможность учитывать специфику регулирования исходя из ценностных императивов. Очевидно, что в условиях, когда частноправовые отрасли характеризуются преимущественно диспозитивным методом пра-

вового регулирования, а публично-правовым отраслям присущ метод императивного воздействия, выраженные в праве морально-этические категории будут иметь различное влияние на участников правоотношений. Эти категории действуют с известной свободой усмотрения субъектов при правовой координации (гражданское право и иные отрасли частного права), и они же становятся строго обязательными при правовой субординации (уголовное право и иные отрасли публичного права).

В действующем российском уголовном законе, который состоит из единственного кодифицированного акта, разделенного на Общую и Особенную части, в настоящее время предусмотрены 34 области правового регулирования⁵. Уголовно-правовое регламентирование проникло в сферы здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ) и в иные, не всегда явно связанные с моралью сферы. Морально-этические категории выражены и в конкретных положениях (статьях) действующего УК РФ. Текстологический анализ УК РФ позволяет заключить, что однокоренные слова, образованные от слова «мораль», возникают в УК РФ шесть раз (при этом слово «аморальность» в различных склонениях встречается пять раз, а слово «моральный» — один раз). Слова, однокоренные слову «нравственность», встречаются по тексту Кодекса также шесть раз (из них собственное слово «нравственность» — два раза, а четыре раза — прилагательное «нравственный»). Но было бы совершенно неправильным

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Бойко А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права : монография. 2-е изд. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 114.

⁴ Н. Ф. Кузнецова, несмотря на название ее труда «Уголовное право и мораль», с первых же строк оперирует термином «нравственность»: «Определить соотношение уголовного права и нравственности — значит прежде всего раскрыть их общие черты и различия, а затем показать характер взаимоотношения уголовного права и нравственности» (Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. М. : Изд-во Московского университета, 1967. С. 5). Аналогичный подход красной нитью проходит через труды И. И. Карпеца по рассматриваемой проблематике. В монографии «Уголовное право и этика» ученый применял словосочетания «мораль и право», «этические основы уголовного права», «нравственные аспекты понятия преступления» (Карпец И. И. Уголовное право и этика. М. : Юридическая литература, 1985. С. 31, 78, 56).

⁵ Под областями уголовно-правового регулирования мы понимаем сферы общественных отношений, соответствующие видовым объектам преступлений (которые, в свою очередь, в архитектонике Кодекса соответствуют его главам).

констатировать наличие однокоренных слов со словами «мораль», «этика» и на этом сделать вывод о присутствии в уголовном праве морально-этических категорий. В действительности синтез морали и права в действующем УК РФ многоаспектен, широк, отчасти лишен системности и проявляется в разных, не идентичных друг другу институциональных плоскостях.

Учеными были предприняты достаточно результативные попытки объяснить взаимовлияние уголовного права и морали в виде некоторой завершенной формулы, представить взаимовлияние в качестве теоретической модели, систематизированной концепции. К примеру, А. М. Герасимов предлагает свою модель реализации нравственных начал в УК РФ, в которой предусмотрено сосуществование: 1) правотворческого, 2) правоисполнительного и 3) правоприменительного уровней реализации нравственности в уголовном праве. Так, на правотворческом уровне нравственность реализуется в уголовном праве посредством законодательной деятельности Государственной Думы. Правоисполнительный уровень реализации нравственности в уголовном праве, по мнению ученого, увязывается с поведением человека в рамках возложенных на него уголовным законом обязанностей и предоставленных ему прав. А на правоприменительном уровне нравственность сводится к определению границ практического применения уголовного законодательства, считает А. М. Герасимов⁶.

Еще одним примером построения модели, отражающей иной подход, может являться модель, предложенная И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеевым. Рассматривая проблему взаимовлияния морали и уголовного права, ученые приходят к выводу о существовании трех способов такого влияния морали на право: 1) межнормативность, 2) юридический морализм, а также 3) моральный популизм. Межнормативность трак-

туется как разного рода взаимосвязи, переплетения двух нормативных систем (в частности, в форме трансформации моральных предписаний в уголовно-правовые запреты). Юридический морализм понимается как обеспечение моральных норм силой государственного принуждения. Ученые приводят в пример включение в 2013 г. в ч. 1 ст. 148 УК РФ соответствующего дополнения, направленного на защиту дискуссионной категории «чувства верующих». Наконец, моральный популизм — это придание уголовно-правового значения моральным категориям, вызванное стихийной народной поддержкой, всеобщим одобрением, обусловленными определенными обстоятельствами жизни⁷.

Полагаем, что подобные попытки универсализации и систематизации всех форм взаимосвязи морали и уголовного права изначально обречены на неполноту и чрезмерную упрощенность. Взаимосвязи морали и уголовного права разнообразны, они не имеют единой структуры, проявляются в различных институтах уголовного права, а потому вряд ли могут быть объединены под каким-то общим знаменателем. Да, иногда через теоретическое моделирование возможно раскрыть, к примеру, концепцию бланкетных норм уголовного закона как одной из форм взаимосвязи уголовного права с иными императивами (с гражданским, административным и др. правом). Можно подвести под общий знаменатель вопросы взаимодействия разных отраслей права. Но мораль — это не формализованный императив. Мораль, как совершенно справедливо указывает С. В. Анощенкова, «неинституционализируемая система, моральные нормы не имеют официальных форм фиксации»⁸. Имея дело с моралью, мы имеем дело не с систематизированным источником регулирования и не с письменным формально-юридическим документом. Поэтому конкретизировать формы взаимовлияния мора-

⁶ Герасимов А. М. Нравственность в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 12–13.

⁷ См.: Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Должно ли уголовное право обеспечивать принудительность моральных запретов? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 1. С. 40–49.

⁸ Анощенкова С. В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // Lex russica (Русский закон). 2016. № 8. С. 42.

ли и уголовного закона наиболее всеобъемлюще возможно при обращении к определенной конкретике и описательности и при отходе от стремления выстроить универсальную теоретическую модель.

По нашему мнению, могут быть выделены следующие пять основных механизмов взаимовлияния морально-этических категорий и уголовного права:

I. Морально-этические категории формализованы как основополагающие начала УК РФ. В статьях 3–7 гл. 1 УК РФ («Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации») закреплены принципы российского уголовного законодательства. В их числе следующие: принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип вины, принцип справедливости, принцип гуманизма.

В уголовно-правовой доктрине даются различные определения термину «принцип». Все они так или иначе отсылают к философскому пониманию принципа как основного начала. Согласно одному определению, «принципы в уголовном праве — это вытекающие из природы демократического общества и пронизывающие всё уголовное право и законодательство незыблемые руководящие идеи, которые выявляют внутренние объективные закономерности уголовного права и уголовного законодательства и направляют их на решение поставленных перед уголовным правом и законодательством задач»⁹. Существует мнение, что хотя принципы в науке начали выделять с конца XVIII в., существовали они всегда, ровно столько времени, сколько существует само уголовное право¹⁰.

С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев в своих работах утверждали, что правовые принципы представляют собой идеи и положения, которые, с одной стороны, отражают господствующие взгляды по вопросам права, с другой стороны,

формулируют определенные требования, выраженные в обобщенной форме и адресованные участникам правоотношений¹¹. Мы лишь дополним, что отражение господствующих взглядов и предъявление требований — это только две формы реализации уголовно-правовых принципов. Вся же область действия принципов в отрасли уголовного права чрезвычайно широка, и форм выраженности принципов в нормах права очень много. Принципы, конечно же, не являются одной лишь декларацией, закрепленной в вводных положениях Общей части УК РФ. Не являются они и «рядовыми» нормами Общей части УК РФ. Каждый принцип имманентно включается во все иные нормы уголовного закона, во все факты правоприменительной деятельности и факты законотворческого процесса в области противодействия преступности.

Рассмотрим подробнее принцип справедливости, который в перечне принципов несет максимальную морально-этическую нагрузку. Представления людей о справедливости возникли очень давно. В исследованиях указывается, что понимание справедливости начало формироваться в доклассовый период в форме эмоций, чувств, оценок¹². Справедливое отношение, доброта, милосердие, сострадание, чувство взаимопомощи и иные морально-этические проявления действительно имеют древнейшую историю, начали формироваться в догосударственный период и в условиях отсутствия систем письменности, однако со временем прошли большой эволюционный путь, стали моральными императивами поведения и обрели юридическое значение. По утверждению С. А. Галактионова, идея справедливости лежит в основе всего права, в том числе и уголовного. Воплощаясь в действующем законодательстве, справедливость остается явлением

⁹ Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 20.

¹⁰ Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 4.

¹¹ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М. : Наука, 1988. С. 23.

¹² Галактионов С. А. Принцип справедливости в уголовном праве России : монография. Самара : Изд-во МГПУ, 2006. С. 6.

нравственности и правосознания, социальным и этическим критерием права¹³.

В статье 6 УК РФ установлены два проявления морально-этического принципа справедливости: в ч. 1 — справедливость как мера соответствия наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, в ч. 2 — справедливость как запрет на претерпевание уголовной ответственности дважды за одно и то же деяние.

Подобное законодательное описание справедливости является лаконичным, конечно, неполным. Никто не будет спорить, что справедливыми должны быть и действия законодателя, устанавливающего или отменяющего уголовную ответственность за какое-либо поведение. Справедливость должна сопровождать весь процесс квалификации преступного поведения и вообще все действия, связанные с применением уголовного закона. Поэтому значение принципа справедливости в действительности шире, чем указано в ст. 6 УК РФ. Это же можно сказать и об иных принципах, выраженных в УК РФ.

II. Морально-этические предписания легитимированы в уголовном законе в форме уголовно-правовых запретов. То обстоятельство, что в определенный период истории отдельные нормы морали начали обеспечиваться силой государственного принуждения, хорошо известно в теории права. По мере усложнения и дифференциации общественного уклада моральных регуляторов становилось недостаточно для регулирования поведения людей. Возникла необходимость в некотором общем знаменателе норм поведения, и решение нашлось в уголовном законодательстве, обладающем общеобязательной силой в рамках конкретной юрисдикции¹⁴. Именно так древнейшие моральные запреты, в числе которых запреты причинять смерть, осуществлять сексуальное насилие, похищать чужие вещи, обрели свою юридическую форму и стали нормами сначала обычаев,

затем — писаного права (до явного выделения отраслей), а потом и уголовного права — уже как дифференцированной отрасли.

Действительно, общность и взаимосвязь структурных элементов морали и права, в том числе и уголовного права, делает возможной трансформацию одних норм в другие (моральных — в уголовно-правовые)¹⁵. Правда, обычно такая трансформация значительно растянута во времени, иной раз занимает столетия и даже тысячелетия общественной истории. Пока Законы Хаммурапи не стали писаным правом и источником древнейшего уголовного права Месопотамии, их содержимое имело форму устного обычая, а еще ранее — форму моральных правил. То же самое может быть сказано и о действующем УК РФ, которому предшествовали советские кодексы. Последние, в свою очередь, были предварены дореволюционным законодательством Российской империи, которое строилось на еще более раннем феодальном праве, выраженном в Соборном уложении 1649 г. Разумеется, и акты раннефеодального права Древней Руси имели под собой основу из обычая и морально-нравственных императивов, не закрепленных письменно и еще не имевших государственно-принудительного обеспечения.

С. В. Анощенко указывает, что нормы морали, не изменяя своего статуса, присутствуют и в правовых нормах. Однако такое присутствие нельзя назвать повторением, дублированием, отражением и т.п., поскольку содержание моральной нормы (но не суть) конкретизируется, адаптируется и уточняется с учетом специфики отраслевой принадлежности. Вариант перенесения смысловой матрицы моральной нормы в правовую норму, по сути, можно назвать трансформацией, а форму — легитимацией. Механизм трансформации и легитимации норм морали в право, по мнению С. В. Анощенко, можно представить в виде схемы «нормы морали → моральное сознание → правовое сознание → нормы права»¹⁶.

¹³ Галактионов С. А. Указ. соч. С. 25.

¹⁴ Fuller R. C. *Morals and the Criminal Law* // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1942. Vol. 32. Iss. 6. P. 626.

¹⁵ Анощенко С. В. Указ. соч. С. 39.

¹⁶ Анощенко С. В. Указ. соч. С. 45.

Среди морально-этических предписаний, легитимированных в тексте УК РФ, заметны такие старинные предписания, как не убивать (ст. 105 УК РФ), не красть (ст. 158 УК РФ и иные), не предавать родину (ст. 275 УК РФ) и т.д. Можно сказать, что подобные предписания сохранились в неизменном виде с древнейших времен. Иные предписания также несут морально-этическую нагрузку и имеют корни в древнейших обычаях, хотя и представлены в УК РФ в модифицированном, адекватном современному уровню развития виде. Так, например, уголовно-правовой запрет на создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) является разновидностью предписания не причинять вред окружающим.

III. Отдельные морально-этические категории (институты) непосредственно охраняются предписаниями действующего УК РФ. В Особенной части Кодекса есть значительное количество уголовно-правовых запретов, явно или неявно направленных на защиту морально-этических аспектов жизни общества. К «явным» уголовно-правовым запретам морально-этической направленности возможно отнести значительную часть запретов, установленных в гл. 25 («Преступления против здоровья населения и общественной нравственности») УК РФ. Уже само наименование указанной главы содержит отсылку к общественной нравственности.

Нравственность, как пишет Е. А. Старков, является этической категорией, поэтому уголовное право оперирует понятием нравственности, разработанным наукой этикой. Несмотря на то что нравственность является этической категорией, продолжает ученый, она охраняется от посягательств на нее нормами права: административного, гражданского, уголовного и др.¹⁷ К преступлениям против общественной нравственности относятся следующие составы, установленные в гл. 25 УК РФ:

- вовлечение в занятие проституцией (ст. 240);
- получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1);

- организация занятия проституцией (ст. 241);

- незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242);

- изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1);

- использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242.2);

- уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей (ст. 243);

- нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия (ст. 243.1);

- незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2);

- уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере (ст. 243.3);

- уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при

¹⁷ Старков Е. А. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 14.

защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России (ст. 243.4);

— надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244);

— жестокое обращение с животными (ст. 245).

Родовой объект данных преступлений — общественная нравственность, которая понимается как «исторически выработанная и принятая людьми совокупность норм и правил поведения, отражающих представление о добре и зле, чести и достоинстве, справедливости, жестокости и милосердии»¹⁸. Большое разнообразие составов преступлений против общественной нравственности свидетельствует о широком охвате уголовно-правовой охраны морально-этических категорий, установившихся в российском обществе. Преступления против общественной нравственности могут быть группированы следующим образом:

1) преступления, посягающие на господствующие принципы половой морали (ст. 240–242.2 УК РФ);

2) преступления, связанные с уничтожением или повреждением памятников истории и культуры (ст. 243–243.4 УК РФ);

3) преступления, нарушающие нормы общественной нравственности в сфере социальной памяти общества и гуманного обращения с животными (ст. 244–245)¹⁹.

Стоит также отметить, что преступления против общественной нравственности в последние пару лет являются предметом активной новеллизации. В 2020 г. глава 25 УК РФ была дополнена статьей 243.4 («Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных

сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России»)²⁰. До этого поправки вносились в 2012 и 2013 гг. Концентрация внимания законодателя на охране общественной нравственности, вероятно, свидетельствует об актуальности и принимаемой во внимание законодателем важности правовой охраны морально-этических представлений российского общества.

IV. Морально-этические категории обязательно учитываются при квалификации преступлений и назначении наказания по УК РФ. Это обстоятельство также следует из анализа конкретных уголовно-правовых запретов. Например, в соответствии со ст. 107 («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») УК РФ, на установление вины влияют противоправные или аморальные действия потерпевшего.

Р. А. Сабитов предлагает свой подход к квалификации поведения лица, пострадавшего от преступления. Отмечая важность учета поведения потерпевшего, ученый аргументирует свой подход, в том числе и через закрепленные в УК РФ упоминания об аморальности. Так, поведение пострадавшего, указанное в качестве признака составов преступлений, предусмотренных статьями 107, 113 УК РФ, нуждается в квалификации как противоправное или аморальное. А противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления, является обстоятельством, смягчающим наказание (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ)²¹.

Свойство аморальности — антипод свойства моральности. Как это следует из ряда диспозиций УК РФ (п. «з» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 107, ст. 113 УК РФ), для верной квалификации деяний пра-

¹⁸ Шалагин А. Е. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 2. С. 178.

¹⁹ Подобная классификация предлагается А. Е. Шалагиным (Шалагин А. Е. Указ. соч. С. 179). По нашему мнению, третья группа может быть заменена двумя группами: «Преступления, нарушающие нормы общественной нравственности в сфере социальной памяти общества» и «Преступления против гуманного обращения с животными».

²⁰ Федеральный закон от 07.04.2020 № 112-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 15 (ч. I). Ст. 2235.

²¹ Сабитов Р. А. Квалификация поведения лица, пострадавшего от преступления // Виктимология. 2019. № 4. С. 12.

воприменительным органам придется оценить аморальность поведения. Получается, что для такой квалификации правоприменитель обязан не просто иметь представление о господствующих морально-нравственных стандартах, но и исключительно хорошо в них разбираться, фактически уметь разграничивать хорошее и плохое. В этом заключается одна из трудностей применения УК РФ в части рассматриваемых запретов. Суды, оценивая доказательства по внутреннему убеждению и действуя в пределах, установленных нормами материального и процессуального права, обязаны сталкиваться с оценкой неформализованной моральности и придавать ей юридическое уголовно-правовое значение, которое влечет применение тяжелых наказаний.

Из сложившейся следственно-судебной практики по уголовным делам, в рамках которых суды оценивали аморальность поведения потерпевших, возможно увидеть, что в настоящее время может толковаться в качестве подобного поведения.

Так, в одном деле суд апелляционной инстанции, пересматривая приговор за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, указал на нарушения суда первой инстанции. Нижестоящий суд не учел в качестве смягчающего обстоятельства аморальное и противоправное поведение потерпевшего, который «в состоянии алкогольного опьянения вел себя агрессивно, вызывая, конфликтовал с другими посетителями, на замечания не реагировал, его поведение не соответствовало нормам морали и правилам поведения в обществе»²². В другом деле об убийстве (ч. 1 ст. 105 УК РФ), принимая

апелляционное определение от 19.02.2019 по делу № 22-243/2019, Верховный суд Республики Саха (Якутия) охарактеризовал как аморальное следующее поведение потерпевшего: грубо вел себя в отношении осужденного, допустив оскорбительное высказывание в его адрес²³.

В еще одном деле об умышленном убийстве суд квалифицировал как аморальное следующее поведение потерпевшего: проявление агрессии при распитии спиртных напитков, в ходе которого потерпевший кричал, матерился, оскорблял сожительницу подсудимого, угрожал ему расправой²⁴. Отказ совместно с подсудимым выпить водку и последовавшие за таким отказом оскорбления подсудимого и его малолетнего сына со стороны потерпевшего стали обстоятельствами, которые суды квалифицировали как аморальные и противоправные действия и учли при назначении наказания в другом уголовном деле (апелляционное определение Московского городского суда от 16.03.2021 по делу № 10-2357/2021)²⁵. Сходные обстоятельства получали оценку и в иных уголовных делах, где на назначение наказания повлияло аморальное поведение потерпевшего²⁶.

V. Уголовно-правовые запреты социально-исторически детерминированы морально-этическими предписаниями. Данный подраздел (данная форма взаимовлияния морально-нравственных императивов и уголовного права) отчасти обобщает четыре предыдущих подраздела. Исторически мораль предшествует уголовному праву, именно в согласии с морально-этическими представлениями общества выстраивается система правового и, в частности, уголовно-правового регулирования. Таким образом, уголовный закон обусловлен моральными нормами.

²² Апелляционное определение Московского городского суда от 07.02.2018 по делу № 10-445/2018 (здесь и далее в статье материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

²³ Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 19.02.2019 по делу № 22-243/2019.

²⁴ Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 27.08.2020 по делу № 22-1288/2020.

²⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 16.03.2021 по делу № 10-2357/2021.

²⁶ См., например: апелляционное определение Московского городского суда от 25.05.2021 по делу № 10-7248/2021 ; апелляционное определение Московского городского суда от 25.02.2021 по делу № 10-347/2021.

Согласно прочно устоявшемуся мнению, первичные представления о добром, справедливом, гуманном, правде, уважении к людям и пр. формируются в сознании большинства населения, а власть лишь рецепирует их в статьи закона²⁷. В догосударственный период, когда общественные отношения регулировались преимущественно через догмы ранних религий и через обычай, мораль уже имела принудительную силу. Принудительность правил обеспечивалась самим обществом, религиозными институтами. Лишь с началом построения государственных институтов и возникновением первых городов-государств как территориально обособленных сообществ людей, находящихся под властью суверена, обычаи, религиозные догмы и иные регуляторы получают правовую форму.

В этой связи, по нашему мнению, уголовное право всегда имело под собой моральную основу, оно всегда было следствием морально-этических требований и условий. Абсолютно все уголовно-правовые запреты, включая те, которые прямо не направлены на охрану общественной нравственности, имеют под собой морально-этическую подоплеку. В современном уголовном законе морально-этические категории проявляются в различной интенсивности: где-то моральное предписание не лишать жизни, нашедшее также выражение в религиозной прописной заповеди «не убий», равнозначно норме УК РФ о запрете убийства (ст. 105 УК РФ); где-то же моральная обоснованность запрета уже не так явно прослеживается из-за истори-

ческих модификаций, о чем говорилось выше на примере компьютерных преступлений.

Заключение. Итак, нами были установлены основные формы записных соприкосновений и пересечений уголовного права России с морально-этическими предписаниями. Таких форм взаимовлияния двух нормативных систем пять:

- 1) моральные категории выражены в принципах уголовного законодательства России;
- 2) моральные предписания легитимированы в законе как уголовно-правовые запреты;
- 3) отдельные моральные категории и явления прямо охраняются уголовным законом;
- 4) степень моральности поведения потерпевшего учитывается при квалификации преступлений и назначении наказания;
- 5) весь уголовный закон социально-исторически обусловлен моралью.

Дальнейшие исследования форм взаимовлияния морали и уголовного права видятся перспективными и способными не только объяснять связь с нравственностью конкретных уголовно-правовых запретов, но и совершенствовать всю систему уголовно-правового регулирования. Повышение уровня этичности правового регулирования особенно важно в условиях происходящих общественных трансформаций, которые не обходят стороной и уголовное законодательство. И теоретическое описание форм взаимовлияния морали и отрасли уголовного права является первым шагом в направлении совершенствования системы законодательства в духе этичности и соответствия моральным ценностям российского общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2002. — 608 с.
2. Анощенкова С. В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // Lex russica (Русский закон). — 2016. — № 8. — С. 33–47.
3. Бойко А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права : монография. — 2-е изд. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 248 с.
4. Галактионов С. А. Принцип справедливости в уголовном праве России : монография. — Самара : Изд-во МГПУ, 2006. — 152 с.

²⁷ Бойко А. И. Указ. соч. С. 133.

5. Герасимов А. М. Нравственность в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2006. — 24 с.
6. Карпец И. И. Уголовное право и этика. — М. : Юридическая литература, 1985. — 256 с.
7. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. — М. : Наука, 1988. — 176 с.
8. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Должно ли уголовное право обеспечивать принудительность моральных запретов? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2022. — № 1. — С. 40–49.
9. Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. — М. : Изд-во Московского университета, 1967. — 104 с.
10. Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс : монография. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 440 с.
11. Сабитов Р. А. Квалификация поведения лица, пострадавшего от преступления // Виктимология. — 2019. — № 4. — С. 11–19.
12. Старков Е. А. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 23 с.
13. Шалагин А. Е. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны // Вестник экономики, права и социологии. — 2011. — № 2. — С. 177–180.
14. Fuller R. C. Morals and the Criminal Law // Journal of Criminal Law and Criminology. — 1942. — Vol. 32. — Iss. 6. — P. 624–630.

Материал поступил в редакцию 20 сентября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, 2002. — 608 s.
2. Anoshchenkova S. V. Mekhanizm legitimatsii norm morali (ugolovno-pravovoy aspekt) // Lex russica (Russkiy zakon). — 2016. — № 8. — S. 33–47.
3. Boyko A. I. Nравstvenno-religioznye osnovy ugovornogo prava: monografiya. — 2-e izd. — M.: YurLitinform, 2010. — 248 s.
4. Galaktionov S. A. Printsip spravedlivosti v ugovornom prave Rossii: monografiya. — Samara: Izd-vo MGPU, 2006. — 152 s.
5. Gerasimov A. M. Nравstvennost v ugovornom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2006. — 24 s.
6. Karpets I. I. Ugovornoe pravo i etika. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1985. — 256 s.
7. Kelina S. G., Kudryavtsev V. N. Printsipy sovetskogo ugovornogo prava. — M.: Nauka, 1988. — 176 s.
8. Kozachenko I. Ya., Sergeev D. N. Dolzhno li ugovornoe pravo obespechivat prinuditelnost moralnykh zapretov? // Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2022. — № 1. — S. 40–49.
9. Kuznetsova N. F. Ugovornoe pravo i moral. — M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1967. — 104 s.
10. Lopashenko N. A. Razmyshleniya ob ugovornom prave. Printsipy ugovornogo zakonodatelstva. Ugovornyy zakon. Prestuplenie, prostupok i sostav prestupleniya. Avtorskiy kurs: monografiya. — M.: YurLitinform, 2020. — 440 s.
11. Sabitov R. A. Kvalifikatsiya povedeniya litsa, postradavshogo ot prestupleniya // Viktimologiya. — 2019. — № 4. — S. 11–19.
12. Starkov E. A. Ugovornaya otvetstvennost za prestupleniya protiv obshchestvennoy нравstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2011. — 23 s.
13. Shalagin A. E. Obshchestvennaya нравstvennost kak obekt ugovornopravovoy okhrany // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. — 2011. — № 2. — S. 177–180.
14. Fuller R. C. Morals and the Criminal Law // Journal of Criminal Law and Criminology. — 1942. — Vol. 32. — Iss. 6. — P. 624–630.